

— Осмелился опорочить честь барышни, зверь в человеческом облике! — возмущенные горожане подбирали с земли гнилые овощные листья и камни, швыряя их в парочку.

У Цзюньшу не мог говорить и лишь разгневанно таращился, издавая мычание: «А-а-а!» Его родная мать, поначалу державшаяся дерзко, теперь, видя, что навлекла на себя гнев толпы и никто не берет их под защиту, не смела проронить ни слова, лишь прикрывала лицо руками.

Ань Чанцин с бесстрастным лицом окинул их взглядом, словно увидел какую-то грязь, и вернулся в экипаж:

— Поехали.

Экипаж из поместья князя медленно проехал мимо них. Горожане, бросив последние листья и все еще не утолив досаду, плюнули в их сторону и разошлись по своим делам.

Когда толпа рассеялась, двое подпустили руки, огляделись по сторонам и, точно загнанные крысы, скользнули в узкий переулок. Но никак не ожидали столкнуться там с поджидавшим их Ань Чанцином.

Ань Чанцин стоял, заложив руки за спину, и холодно смотрел на них.

У Цзюньшу инстинктивно попытался бежать, но Те Ху, зашедший сзади, преградил ему путь. Те Ху с ходу пнул его под колени и приволок обоих, бросив к ногам Ань Чанцина:

— Ванфэй, как поступить с этими двумя?

Ань Чанцин опустил взгляд, свысока смотря на охваченных страхом людей.

Ему еще на улице хотелось поступить именно так. Однако там собрались горожане, и приходилось соблюдать приличия, из-за чего этой матери с сыном и удалось поплясать так долго.

У Цзюньшу, испугавшись ненависти в его глазах, съежился и отполз назад, но Ань Чанцин изо всех сил пнул его в грудь. Тот жалобно застонал от боли, а Те Ху, опасаясь, что крики привлекут внимание, оторвал лоскут от полы одеяния и заткнул рты обоим.

— И ты, ничтожество, смеешь произносить имя Сяньюй? Смеешь порочить ее честное имя?

Гнев и бессилие из прошлой жизни хлынули наружу. Ань Чанцин нанес ему еще несколько жестоких ударов:

— Разве ты не жаждал ту вдову? Как насчет того, чтобы я отправил тебя воссоединиться с ней?

— М-м... а-а... — У Цзюньшу отчаянно бил челом, моля о пощаде, его тело дрожало как осиновый лист.

Он пожалел о содеянном: ему не следовало снова строить планы на Ань Сяньюй. Тот человек убеждал его: стоит лишь замарать имя девушки, а затем взять ее в жены, как благодаря нынешнему положению Ань Чанцина за ней дадут богатое приданое — и тогда, даже не став чиновником, он сможет всю жизнь жить ни в чем не нуждаясь.

Кто же мог подумать, что прежде робкий и забитый Ань Чанцин окажется настолько жестоким?

Скрипя зубами от мысли «с кем поведешься, от того и наберешься», он непрестанно бил челом, умываясь соплями и слезами.

Ань Чанцин с отвращением отступил и, холодно взглянув на него, спросил у Те Ху:

— Есть ли такое место, где они останутся живы, но их жизнь превратится в ад?

Те Ху почесал затылок:

— В пыточной? Там всяких забав предостаточно.

Ань Чанцин качнул головой — лишать их жизни он не собирался:

— Что-нибудь еще?

— Тогда на рудники в Яньчжоу, — предложил Те Ху. — В Яньчжоу есть Железный рудник, туда ссылают содеявших преступления добывать руду.

— Вот и отправь их двоих туда. Смотри, чтобы не сбежали.

— Слушаюсь, — хмыкнул Те Ху. — Ванфэй, можете не беспокоиться, никуда они не денутся. На руднике надзор строгий: пока срок не отбудешь, оттуда не выбраться.

У Цзюньшу и его мать-наложница побледнели до смерти, но против невероятной силы Те Ху были бессильны. Их безвольно утащили прочь, чтобы отправить на Железный рудник Яньчжоу.

.....

Выместив злобу, копившуюся со времен прошлой жизни, Ань Чанцин с облегчением вздохнул. И направился вместе со своей свитой к ранее намеченной мастерской «Тяньи».

В мастерскую «Тяньи» уже прибыли все зимние наряды. Пересчитав товар, на склад наложили печати. Управляющий передал ключи и печати лавки, тем самым полностью завершив дела уходящего года.

Глядя на печати на дверях склада и думая о битком набитых зимней одеждой помещениях, Ань Чанцин ощутил гораздо больше спокойствия перед лицом приближающейся лютой зимы. В прошлой жизни он был бессилен, но в этой способен хоть чем-то помочь.

Три дня пролетели как одно мгновение, и вот наступил канун Нового года.

В этот вечер в императорском дворце устраивали пир. Члены императорской семьи, знатные особы, чиновники третьего ранга и выше вместе с семьями должны были прибыть во дворец на торжество. Ань Чанцин и Сяо Чжигэ не были исключением.

Поскольку провести праздничный вечер в поместье не удавалось, Ань Чанцин назначил семейный пир на полдень. Ань Чанцин, Сяо Чжигэ, госпожа Юй, Ань Сяньйюй, а также Чжоу Хэлань со своей матерью — всего шесть человек.

На кухне приготовили щедрый стол. Так как людей собралось немного и все были своими, разделять столы не стали и отметили праздник за общей трапезой.

Слуги, трудившиеся весь год, получили призовые деньги и накрыли несколько столов во дворе, устроив редкий для них шумный праздник.

К обеду Ань Чанцин облачился в парадные одежды и вместе с Сяо Чжигэ отправился во дворец.

В тот день во дворец прибыло множество людей: императорская родня и знатные чиновники — не счесть, причем большинства из них Ань Чанцин никогда раньше не видел. Когда экипаж остановился у ворот внутреннего дворца и Ань Чанцин с Сяо Чжигэ вышли, ждавшие у ворот гости замерли и инстинктивно подались в стороны, поспешив отвесить поклоны.

Даже в радостный новогодний день на лице Сяо Чжигэ не было и тени веселья. А вот Ань Чанцин, улыбаясь, приветливо кивнул чиновникам и их семьям:

— Вы здесь ждете паланкины?

Все собравшиеся лишь слышали славу Бэйчжань-ванфэй, но видели его воочию впервые. Внезапно услышав обращение, они растерялись, не зная, как реагировать, и атмосфера на мгновение застыла.

Лишь спустя секунду кто-то ответил:

— Да... только что уехала первая партия, придется еще немного подождать.

После этого никто больше не произнес ни слова. Все жались по обеим сторонам, и лишь Сяо Чжигэ с Ань Чанцином стояли посередине. Видя, что разговоры не клеятся, Ань Чанцин не стал навязываться и наклонился к Сяо Чжигэ, шепча ему на ухо вопросы об именах и титулах присутствующих.

Он читал список чиновников и их домочадцев, приглашенных на пир, но в лицо никого не знал и не мог сопоставить имена с людьми.

Хранящие молчание сановники увидели, как вечно суровый и не улыбчивый Бэйчжань-ван склонил голову и шепчется с ванфэй. Они переглядывались в изумлении и недоумении.

Спустя пятнадцать минут прибыли легкие паланкины. Собравшиеся почтительно уступили дорогу супругам. Сяо Чжигэ слегка кивнул, и Ань Чанцин первым сел в паланкин. Однако Сяо Чжигэ огляделся по сторонам, вернулся к их карете и вынес оттуда грелку для рук.

Присутствующие увидели, как он приподнял полог паланкина, протянул внутрь грелку и своим обычным сдержанно-строгим голосом произнес:

— Держи, погрей руки.

Ань Чанцин принял грелку, улыбнулся ему и поторопил тоже садиться в паланкин. Нежность в их разговоре была видна невооруженным глазом.

Когда паланкины медленно тронулись, выражения лиц ждавших стали крайне сложными. Знакомые между собой лишь молча обменивались взглядами.

Супруга графа Сяовэнь покосилась на мужа и заметила:

— Погляжу я, какой князь заботливый! Сразу видно, молодожены — пылкие чувства. Не то что мы, старики: стоим тут на холодном ветру полчаса, и никто даже слова не замолвит.

Граф Сяовэнь залился краской:

— Жена, да как ты!..

Она лишь закатила глаза, поплотнее запахнула плащ и пошла к паланкину:

— Пошли уже.

[От автора:

Но-но: Почему ты такой некоммуникабельный? Погляди, столько народу, и никто с тобой не разговаривает.

Сонсон: ... (с каменным лицом)]

Новогодний пир организовывала Палата дворцовых пиршеств. Торжество проходило в зале Ганьвэнь. Неподалеку от зала Ганьвэнь располагался сливовый сад. Ныне весь сад обнесли тяжелыми занавесями. Снег в саду был вычищен, на ветвях цветущей сливы висели красные фонари и алые шелковые ленты. Под деревьями стояли столы и стулья с мягкими подушками, на столах раскладывали цукаты и сладости, дабы придворные могли отдохнуть и побеседовать. Поскольку зимой стояли морозы, вдоль дорожек через каждые два шага расставили шестиногие бронзовые жаровни с изображением свернувшихся драконов. В них горел самый высокосортный императорский уголь: он не давал гари и дыма, испуская лишь легкий сосновый аромат. Гуляя по саду, человек не ощущал ни малейшего холода.

Пир еще не начался, и рано прибывшие члены императорского дома и сановники с семьями прогуливались по саду, любясь пейзажами и ведя неспешные беседы.

Главной темой для разговоров в конце этого года, без сомнения, являлся новоиспеченный супруг Бэйчжань-вана.

До свадьбы никто не верил в этот брак. В конце концов, жестокий нрав Бэйчжань-вана гремел на весь мир, но при этом он обладал великим полководческим талантом: когда генералы — опоры государства состарились и не могли вести войска, а на границе не осталось достойных военачальников, лишь он смог одним ударом отбросить бэйдийцев вглубь пустыни Бэймо. Из-за этого император Аньцин, пусть и недолюбливал своего сына, был вынужден закрывать глаза на его поступки.

Как ведут себя верхи, так подражают им и низы: при дворе хватало флюгеров. Раз уж сам император ничего не мог поделать с этим сыном, то придворным тем более оставалось лишь держаться от него подальше, дабы в один прекрасный день не навлечь на себя гнев этого духа смерти, когда и пожаловаться будет некому.

<http://bllate.org/book/18381/1767655>